

УДК 340.132.6

Критерии правомерного толкования, конкретизации и единообразного исполнения юридических законов и правоположений

Б.А. ОСИПЯН,

кандидат юридических наук, доцент
artos5@mail.ru

Исследуются духовные, научные и практические основания для определения критериев правомерного толкования, конкретизации и единообразного исполнения юридических законов и правоположений (неписаных норм права).

Рассматриваются разные (духовно-нравственные, ценностно-целевые, международно-правовые, конституционные, судебно-прецедентные и административные) уровни, методы и процессы выявления смысла непреходящей идеи права и конкретизации целей и содержания юридических законов, а также понятия административного и судебного усмотрения в правотолковании и правоприменении, предлагаются апробированные пути правомерного толкования и исполнения положений законов.

Ключевые слова: критерии правомерного толкования, конкретизация права и закона, судебное и административное усмотрение в праве, правомерное толкование и исполнение положений права и законов.

Criteria of Lawful Interpretation, Specification and Uniform Performance of Legal Laws and Right Provisions

Osipyann B.

The spiritual, scientific and practical bases for definition of criteria of lawful interpretation, specification and uniform performance of legal laws and right provisions (unwritten rules of law) are investigated.

Are considered different (spiritual and moral, valuable and target, international legal, constitutional, judicial and case and administrative) levels, methods and processes of identification of sense of enduring idea of the right and a specification of the purposes and contents of legal laws, and also concepts of an administrative and judicial discretion of right interpretation and right application, are offered the approved ways of lawful interpretation and performance of provisions of laws.

Keywords: criteria of lawful interpretation, concretization of the idea of law and statutes, lawful interpretation and implementation of law and legal statutes.

Наилучшим путем толкования непреходящей идеи права, конкретизации и единообразного исполнения цели любого правомерного закона или правоположения является точное определение и единообразное применение отраженной в нем благой и неизменной воли Высшего Законодателя — Господа Бога — к каждому рассматриваемому случаю с учетом местных и временных особенностей социальной жизни.

В современной теоретической и практической юриспруденции правомерное толкование и применение соответствующими должностными лицами того или иного юридического закона является необходимой и своеобразной попыткой верного выявления, разумного уточнения, убедительного разъяснения и единообразного претворения надлежащего смысла и содержания конкретной законодательной нормы для упорядочения сходных правоотношений или разрешения подобных либо единичных конфликтов. Теоретически верно и практически единообразно толковать и исполнять закон применительно к конкретному случаю означает не что иное, как уяснить благодетель-

ную волю Бога как непреходящую идею права для решения возникшего вопроса и согласно Его единому высшему образу-Норме претворять эту волю в правохарактерных¹ человеческих взаимоотношениях. В этом свете всякое иное, сугубо «свое» понимание смысла и содержания какого-либо правоположения или закона (так сказать, всякая академическая «отсебятина») и его точная и неуклонная реализация являются изначально неправомерными, нецелесообразными и разрушительными для любого надлежащего и развивающегося социального правопорядка.

В жизни цивилизованных обществ толкование идеи права и законодательных положений имеет довольно долгую историю. Во все времена и во всех государственно-правовых образованиях рода человеческого судьи как особое сословие мудрых, просвещенных и опытных людей считались беспристрастными, независимыми и авторитетными вершителями Божьей правды (права) и справедливости (правосудия). Поэтому им, знатокам и претворителям Божьей воли и справедливости на Земле, принадлежало исключительное право официального

¹ Здесь имеются в виду только те социальные отношения, которые присущи идее права, нуждаются в правовом упорядочении и подконтрольны государственным органам.

разъяснения высших императивных норм религии, нравственности и закона, которые в значительной мере определяли жизнь каждого человека и целого народа в рассматриваемых ими конкретных делах¹. В древние времена официальное толкование церковных канонов и социальных обычаев, а также производных от них юридических законов у греков называлось «схалией»², а у латинян — «глоссарием», т. е. толковым словарем научно обоснованных и устоявшихся в юридической практике основных правовых терминов и выражений.

Независимо от различных уровней (законодательного, или аутентичного, судебного, исполнительного) и способов толкования и исполнения законов (буквального, грамматического, логического, терминологического, историко-политического, систематического, аксиологического, телеологического, нравственного, духовного и т.д.) толкователь и исполнитель должен был исходить из вербальных формулировок самого закона, ибо иногда очевидные, но всегда несовершенные буква и форма закона приводили к не совсем понятным, а порой и противоположным содержанию и действию животоворящего духа права при упорядочении определенных жизненных обстоятельств и споров³. Тем не менее общий путь верного, разумного и точного выявления и исполнения воли законодателя вел от предписанных им в законе слов, определений, терминов и понятийных выражений к правомерным и целесообразным намерениям установить и поддержать устойчивый правопорядок в данном обществе и государстве. Посему римские юристы поговаривали, что, как правило, форма подлежащего толкованию и единообразному применению закона существовавшая — «*Forma legalis est forma essentialis*».

Дело в том, что именно в форме языкового выражения юридического закона отражаются его социально полезная цель и содержание, необходимая и достаточная мера свободы и ответственности взаимодействующих правовых субъектов. Следовательно, правильный путь выяснения сущности и содержания любого юридического закона должен исходить из его буквы и простирается к его целеположенному содержанию и упорядочивающему духу. Такой подход к правомерному толкованию и исполнению закона — необходимое условие для каждого случая надлежащей правовой оценки и квалификации подзаконных дей-

ствий и поступков людей. Например, в области уголовного права буква закона настолько существенна и необходима, что изначально предполагается (презюмируется) и законодательно устанавливается общепризнанный принцип «Нет преступления, нет наказания, если они не предусмотрены законом» — «*Nullum crimen, nulla poena, sine lege*». Этот принцип запрещает толкование и практическое применение уголовного закона по аналогии.

Между тем в сфере действия гражданского законодательства принцип толкования того или иного правоположения или закона по аналогии не только предписывается при наличии законодательных пробелов, но даже считается необходимым и предпочтительным. В этой связи ст. 6 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) устанавливает: «1. В случаях, когда ...отношения прямо не урегулированы законодательством или соглашением сторон⁴ и отсутствует применяемый к ним обычай делового оборота, к таким отношениям, если это не противоречит их существу, применяется гражданское законодательство, регулирующее сходные отношения (аналогия закона). 2. При невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости»⁵. Как видим, помимо буквы закона, основаниями для правомерного толкования и применения того или иного законоположения являются добросовестность, разумность, чувство справедливости субъекта толкования и исполнения правоположения или закона, а также общепризнанные принципы гражданского права и иного законодательства, обычаи делового оборота и т. п.

Верным критерием для правильного и единообразного понимания, толкования и исполнения закона также может стать и обычно бывает положительная и испробованная правоприменительная практика судебных и административных органов. Например, известно, что закон, принятый парламентами англосаксонских стран, приобретает фактическую силу только при соответствующем его разъяснении и применении судами, поскольку формально-логические предположения парламентариев обязательно должны быть согласованы с фактом практического судебного-административного толкования и применения принятого закона

¹ См.: *Осипян Б.А.* Соотношение и взаимодействие норм религии, права и закона // *Религия и право.* 2003. № 3.

² Отсюда и происхождение слов «схоласт», «правовая школа» и т. п.

³ См.: *Осипян Б.А.* Проблемы толкования конституционных положений // *Конституционное и муниципальное право.* 2007. № 7. С. 26—30.

⁴ См.: *Осипян Б.А.* Контракт как добровольный, свободный и ответственный совместный путь договаривающихся сторон, ведущий к реализации идеи права // *Гражданское право.* 2011. № 3. С. 34—41.

⁵ См.: *Комментарий к Гражданскому кодексу РФ (постатейный) с постатейными материалами / отв. ред. А.Б. Борисов.* — М., 2004. С. 11.

в повседневной жизни. В этом контексте высказывание члена Верховного суда США О. Холмса о том, что «жизнью права была не логика, а опыт»¹ (перевод наш. — *Б.О.*), в какой-то мере представляется вполне обоснованным и справедливым. Поэтому для правомерного толкования и практического применения закона судебные органы не должны произвольно отказываться от законодательно определенного правила ради какого-то исключения, которое может, по сути, стать частным правилом для более узкого, чем сам закон, толкования, конкретизации, применения и исполнения.

Однако никакое формально-логическое, рациональное или практическое толкование закона не может быть достаточно надежным, если не основано на целостном, т. е. духовном и систематическом восприятии непреходящей идеи права, воплощенной в едином Образе Бога — Создателя, Законодателя, Правителя и Судии. В этом смысле хороший пример духовно-нравственного, не буквального, но единообразного (по надлежащему образу Бога) толкования и исполнения всякого человеческого закона подал нам в свое время Сам Спаситель, когда к Нему привели человека, который вопреки еврейскому обычаю и закону нарушил запрет субботнего дня оказанием врачебной помощи больному человеку. Не отвергая буквы иудейского закона субботы, Иисус сказал: «Но говорю вам, что здесь Тот, Кто больше храма; если бы вы знали, что значит: милости хочу, а не жертвы, то не осудили бы невинных, ибо Сын Человеческий есть господин и субботы. ...Итак, можно в субботу делать добро»². Иными словами, во всех случаях животворящий дух и благодетельность закона всегда выше, больше и сильнее разрушительной и смертоносной буквы запретительного или ограничительного закона, ибо любовь безмерного Бога как всепобеждающая и непреодолимая сила всегда и везде приостанавливает действие всякого неправомерного закона наделенного публичной властью человека, разум и опыт которого не безмерен и весьма далек от достаточного совершенства³.

В этой связи представляется, что при всяком надлежащем и правомерном толковании конкретного юридического закона любовь и милосердие должны предшествовать истине по рассматриваемому делу, а истина судопроизводства должна стать основным критерием

высшей справедливости, высшая же справедливость должна служить мерилom надлежащего правосудия, а вовсе не наоборот, как это нередко, увы, случается в нашей государственно-правовой жизни. Вовсе не случайно, что на высоких фасадах дворцов правосудия некоторых цивилизованных государств, например, США, имеется выдержанное веками восходящее предначертание «Justice, Truth, Mercy» («Справедливость, Истина, Милосердие»), причем милосердие и любовь Высшего Образа Истины и Справедливости безмерны. Это означает, что безлюбивая и немилосердная истина установленного тем или иным политическим организмом человеческого сообществом юридического закона в своем высшем смысле не может быть правомерной и целесообразной так же, как и неистинная справедливость судебного толкования и решения, поскольку они отводят людей от богоугодного желания и навыков делать добро и представляют собой опаснейший соблазн для преднамеренного или неразумного совершения всякого богопротивного и сугубо корыстного человекоугоднического зла.

Как для качественной разработки правомерного международного и национального законодательства, так и для высокоточного судебного толкования и исполнения юридического закона необходимо всегда помнить ту простую и постоянно действующую истину, согласно которой Господь Бог есть первоисточник всякого правомерного закона и надлежащего порядка, в том числе и абсолютный Образец любого государственного законодательства, правления и правосудия. Он также есть истинный источник наивысшего, вечного и совершенного закона человеческой свободы и ответственности, тот надпочетивный и постоянно действующий закон, неизмеримая мера и неизменный ориентир для всех, без исключения, разумных правоведа-законодателей, законоведов-толкователей и судей-исполнителей. Именно благодаря Божественной любви и благодати изначально писались и ныне должны писаться государственные конституции и законы, соблюдаться нормы нравственности, добрые обычаи и традиции. Благодаря этой движущей силе любви, спасительной веры и лучшей надежды нынче продолжают созидать и законопослушно жить разные люди в разных странах и государствах⁴.

¹ *Holmes O.W.* The Common Law. — Boston, 1881. P. 1.

² Библия. Новый Завет. Матф., 12:6—8.

³ См.: *Осипян Б.А.* Правомерные возможности влияния добросовестного и образованного российского депутата на качество принимаемых парламентским большинством законов // Современное право. 2012. № 6. С. 17—21; № 7. С. 48—54.

⁴ См.: *Осипян Б.А.* О необходимости религиозного измерения права // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2005. № 2. С. 26—28; *Он же.* Религиозное происхождение и взаимодействие принципов и норм нравственности и права // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2006. № 6. С. 19—22; № 7. С. 23—26; *Он же.* Влияние различных религий на право и законы народов // Религия и право. 2007. № 3.

Любой истинный и заботливый законодатель так или иначе всегда связан определенными добрыми и созидательными чувствами, идеями, ценностями, целями, принципами, правами, свободами и обязанностями человека, которые, увы, не всегда и не во всей полноте закреплены в государственных конституциях и законах. Потому добросовестный и разумный законодатель постоянно обязан хорошо знать и верно толковать наиболее общие духовно-нравственные законы, чтобы на их основе писать правомерные, необходимые и социально полезные юридические законы по мере своей богоданной веры, доброй совести, творческого разума, положительного жизненного и правового опыта. Как показывает жизнь, без таких личных качеств и способностей он по правому невежеству своему будет обречен на неудачу и, возможно, принесет своими понятиями и законами немало горя и страданий народу.

Предупреждая о необходимости точного и единообразного понимания, толкования и исполнения объективных законов Бога, Священное Писание предупреждает, что «уста священника (законодателя, правителя и судьи. — *Б.О.*) должны хранить ведение, и закона ищут от уст его, потому что он вестник Господа Саваофа». Вечные и неизменные заповеди Божьи, в отличие от всегда несовершенных человеческих законов, абсолютны и потому не могут быть искажены своевольным и вольнодумным лжетолкованием и злоупотреблением закона. При толковании вечных заветов и правил Божьих и должном переводе их в законодательных текстах на национальный язык своих сограждан законодатель должен как минимум воздержаться от всяких «отсебятин», дерзких суждений и невежественных домыслов: «Если ты судишь закон, — говорится в Священном Писании, — то ты не исполнитель закона, но судья»¹. Как и при законодательном составлении законов, правоприменитель при толковании «временных законов, если он человек добрый и мудрый, соотносается с тем вечным законом, о котором не дано судить ни единой душе, дабы сообразно с его неизменными правилами определить то, что должно быть разрешено или запрещено»². В подобных случаях для национального законодателя, правителя и судьи лучшим способом толкования и применения высшего закона является духовно-нравственное и разумное устранение наличных или кажущихся противоречий между непреходящей идеей права и постоянно обновляющейся

вместе с условиями социальной жизни буквой закона, ответственное и решительное восполнение неправомерного или содержащего в себе пробел закона по духу права и понятию правомерности в конкретных жизненных обстоятельствах.

Подобно мудрому законодателю — верному толкователю и исполнителю Божественных законов, судьи и разного рода государственные чиновники при исполнении своих должностных обязанностей должны прежде всего вникать в суть применяемых ими законов. Им нельзя забывать, что сугубо формальное толкование юридического закона может стать соблазном для неправомерного, фиктивного действия в обход неизменному духу, смыслу и цели закона и потому такое толкование не может считаться правомерным толкованием и истинным исполнением закона, а только предумышленным или небрежным злоупотреблением и надругательством над святостью и благостью толкуемого и применяемого закона. Разумеется, всякий истинный закон правомерен, целесообразен и полезен, если его толковать и применять добросовестно и разумно. Тем не менее никакой позитивный закон не может быть научнообразно обожествлен с целью искусственной замены им всего святого, истинного, доброго и прекрасного.

Дух юридического закона должен быть разумно выявлен через правомерное толкование его вербальных выражений. Поэтому своевольное и чрезмерное отдаление судьи и всякого иного правоприменителя от сообразной буквы закона может превратить его из предполагаемого толкователя закона в гадалку на кофейной гуще, поскольку точная буква закона есть необходимый путеводитель к его смыслу и содержанию, которые ограждают от различного рода недоразумений и непредсказуемых печальных последствий, проистекающих из его неправомерного толкования и применения. Итак, буква закона существует для полезного употребления, а не для своекорыстного или невежественного злоупотребления.

Ввиду заметного различия народов и национальных государств правомерное толкование юридического закона в системе различных религиозно-этических ценностей и принципов может быть и обычно бывает различным³. В духовном смысле оптимальным способом надлежащего и правомерного толкования и исполнения закона является толкование закона в духе любви и милосердия, чтобы мы поступали

¹ Библия. Ветхий Завет. Малахия, 2:7; Библия. Новый Завет. Иаков, 4:11.

² Августин. Об истинной религии: теологический трактат. — Мн., 1999. С. 477.

³ См.: Осипян Б.А. Преимущества и недостатки различных правовых систем // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2003. № 3. С. 50—52.

по заповедям Божиим¹, ибо именно в таком подходе состоит самый лучший способ устранения всяких разумных сомнений. Например, трактуя и исполняя закон в пользу невиновности или большей свободы и пользы человека, мы тем самым отдаляемся от возможного греха и приближаемся к наличному добру, высшей справедливости и правосудию.

Процесс правомерного и целесообразного толкования писаного юридического закона или неписаного правоположения можно научно определить как объективный и субъективный процесс своеобразной трансформации и конкретизации всеобщей и непреходящей идеи-образа права или всеобщей, абсолютной нормы права в позитивный закон применительно к уникальному или даже неповторимому случаю жизни. Процесс законодательной, судебной и административной конкретизации нормы права или закона движется от универсально высшего (Божественного) к общему (признанному всеми народами), затем к особенному (национальному) и, наконец, к единичному (уникальному). При решении прецедентных (особых) или беспрецедентных (уникальных) дел конкретизация норм права² и закона может происходить на разных уровнях — теоретическом, доктринально-концептуальном, законодательно-нормативном, судебном, административно-толковательно-исполнительном.

Цель любой правомерной и целесообразной конкретизации и толкования применяемого юридического закона состоит в определении всеобщей, абсолютной, надлежащей воли Господа Бога для решения похожих (прецедентов — *stare decisis*) или единичных (*ad hoc*) дел. Поэтому надлежащим и правомерным может считаться только такое толкование закона, которое соответствует неизменной воле Бога, Его образу-Праву, на основе которого складывается правильное суждение и реализуется правосудие, т. е. происходит правомерное, целесообразное и единообразное решение данного судебного спора или конфликта. Таковы основные уровни и способы конкретизации и толкования общих, особых и единичных норм права, предусмотренных или не предусмотренных в международно-правовых документах, национально-государственных законах и подзаконных актах.

При решении проблем правильного толкования и конкретизации юридического закона следует знать и помнить разумные наставле-

ния общепризнанных теоретиков и философов права, толкователей и применителей закона. По мнению одного из самых авторитетных учителей европейского канонического права святого Фомы Аквинского (Аквината), при надлежащем толковании и конкретизации нормы применяемого закона следует руководствоваться следующими соображениями: «Заповеди естественного закона являются общими и требуют конкретизации. Но эта конкретизация осуществляется при помощи человеческого и Божественного законов. И как конкретизация через человеческий закон считается относящейся не к естественному закону, но к положительному праву, так и конкретизация заповедей естественного закона при помощи закона Божественного отличается от нравственных заповедей, относящихся к естественному закону. ...Конкретизация общей заповеди о поддержании справедливости среди людей осуществляется через судебные заповеди»³. Именно поэтому временный и несовершенный человеческий закон есть правильная конкретизация вечного и совершенного Божественного закона для правомерного и целесообразного определения правохраняемых ценностей и целей, а также способов упорядочения личной и социальной жизни. Нередко недостаточным основанием для правомерного толкования юридического закона могут стать универсальные правохраняемые ценности и цели, а также положения действующей национальной конституции.

Правомерное осмысление, понимание, толкование и единообразное исполнение юридического закона — дело не настолько простое, насколько это может показаться на первый, поверхностный взгляд каждому умеющему читать человеку, не имеющему понятия о непреходящей идее-праве и ключевом определении правомерности⁴. Дело в том, что по разным объективным и субъективным причинам не всегда форма, содержание и смысл юридического закона очевидно соотносятся и совпадают друг с другом, и потому иногда буквальное или прямолинейное толкование закона может оказаться неверным, если не учитывать его предположительной правомерной идеи, правохраняемой ценности и цели, а также уместного взаимодействия их с другими метаправовыми, духовно-нравственными, общими и частными юридическими законами. В этих случаях неправохарактерное, неправосообразное, неправомерное, нецелесообразное толкование

¹ См.: Библия. Новый Завет. Рим., 13:8-10; Библия. Новый Завет. 2-е Иоанна, 1:6.

² При отсутствии установленного государством закона для данного случая.

³ Аквинский Ф. Сумма теологии. — М., 2011. Т. 4. Вопросы 68-114. С. 385, 387.

⁴ См.: Осипян Б.А. Корень понятия «правомерность» // Современное право. 2008. № 1. С. 69—78; *Он же*. Понятие правомерности, или межерологии права // Государство и право. 2005. № 8. С. 14—19.

закона может привести к печальным последствиям. В связи с этим Дж. Локк писал: «Прерогатива не может представлять собой что-либо иное, кроме как разрешение со стороны народа его правителям делать некоторые вещи по их собственному свободному выбору, когда закон молчит, а иногда также и поступать вопреки букве закона ради общественного блага... прерогатива является не чем иным, как правом творить общественное благо без закона»¹.

Надлежащее понимание, толкование и единообразное исполнение юридического закона — настолько тонкое и ответственное дело, что в свое время император Юстиниан категорически запретил выдумывать своевольные комментарии к разработанному лично им своду законов, а император Франции Наполеон Бонапарт пришел в ужас при известии о появлении первого «научного» комментария к его Гражданскому кодексу (так называемому Кодексу Наполеона), воскликнув в сердцах: «Пропал мой кодекс!»².

Буквальное или формальное, но безбожное, бессовестное и неразумное толкование и точное исполнение юридического закона нередко могут привести к величайшей несправедливости, пагубному юридическому суеверию и идолослужению под лозунгом «Fiat justitia, pereat mundus» («Да свершится правосудие и да погибнет мир»), который призывает к торжеству действия юридического закона, даже если последствием станет разрушение всего мира. Посему надлежащее, правособразное, правомерное и целесообразное толкование и единообразное применение юридического закона на практике по доброй совести во многих странах провозглашается конституционным принципом³. Надо заметить, что без сознания смысла жизни, своего абсолютного человеческого достоинства и использования доброй совести никакой судья или иной правотолкователь и законоисполнитель не могут реализовать непреходящую идею права в каждом конкретном случае беспристрастно и независимо, поскольку бессовестный человек всегда либо зависит от своих корыстных интересов, либо страшится и выполняет волю вышестоящих работодателей или таких же бессовестных, своекорыстных и трусливых контролеров. Говоря об опасностях буквального понимания, толкования и исполнения применяемого юридического закона, известный русский правовед П.Г. Редькин справедливо заметил: «Всего

легче бывает там, где законодатель позаботился о предоставлении судье надлежащего простора в судебных решениях, между тем как в противном случае судьи привыкнут буквою закона убивать его дух и все более будут превращаться в машины»⁴.

Для наглядной демонстрации возможной пагубности буквального толкования того или иного положения законодательства обратимся к ч. 6 ст. 27 Федерального закона от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации», которая устанавливает, что государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов» (далее — Агентство) вправе (!) обращаться в Центральный банк РФ (далее — Банк России) с предложениями о проведении проверки любого банка Банком России, а также о применении им к проверяемому банку мер ответственности, предусмотренных федеральными законами, с приложением документов, обосновывающих необходимость применения указанных мер. Если понимать данное положение буквально, то это может восприниматься как отсутствие какой-либо юридической обязанности и ответственности самого Агентства по надлежащему контролю, проверке и принятию соответствующих мер к предполагаемым банкам-нарушителям в целях, которые установлены в ч. 1 ст. 1 указанного закона и гласят: «Целями настоящего Федерального закона являются защита прав и законных интересов вкладчиков банков Российской Федерации, укрепление доверия к банковской системе Российской Федерации и стимулирование привлечения сбережений населения в банковскую систему Российской Федерации». Однако на практике довольно часто по вине Агентства, из-за халатности и злоупотребления его ответственных работников должностными полномочиями некоторые российские банки без должного предупреждения и надлежащей процедуры произвольно лишаются лицензии, затем ликвидируются и умышленно доводятся до несостоятельности (банкротства) в ущерб законным интересам вкладчиков, их доверию к российской банковской системе и экономике России в целом. При этом никто из руководящих работников Банка России и Агентства не несет никакой уголовно-правовой ответственности, поскольку в их законодательно установленных правомочиях правоохранительные органы и суды не усматривают обязанностей по надлежащему контролю и применению необходимых мер по упо-

¹ Локк Дж. Соч.: в 3 т. — М., 1988. Т.3. С. 359—360.

² См.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: в 4 т. — М., 1995. Т. 2. С. 300.

³ См., например, ст. 76 Конституции Японии.

⁴ Цит. по: Кузнецов Э.В. Философия права в России. — М., 1989. С. 53.

рядочению деятельности подозреваемых банков-правонарушителей. Получается, что очевидно несостоятельные банки России (например, Банк Москвы) произвольно saniруются и оживляются Банком России и Агентством в своекорыстных интересах чиновных бюрократов, а банки, которые не признали себя банкротами и доказали свою очевидную финансово-организационную состоятельность (например, АМТ Банк), в процессе их арбитражной ликвидации (Московский городской арбитраж через несколько месяцев после произвольного лишения их лицензии не признал их банкротами, но ликвидировал) и позднее разными мошенническими схемами были искусственно доведены до банкротства со всеми вытекающими трагическими последствиями — самоубийствами вкладчиков, их сердечными и нервными заболеваниями и моральными страданиями. Для предотвращения подобных ситуаций в жизни российского общества следственно-судебным органам необходимо перейти от буквального толкования этого и иных законов на должный уровень их систематического и целевого толкования и исполнения, вследствие чего виновные должностные лица Банка России и Агентства могли бы быть привлечены к уголовно-правовой ответственности в соответствии со статьями Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ), а именно за проявление халатности (ст. 293), отказ в предоставлении вкладчикам информации (ст. 140), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285), превышение должностных полномочий (ст. 286), совершение служебного подлога (ст. 292), мошенничество (ст. 159), присвоение или растрату (ст. 160), причинение имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием вкладчиков посредством существенного занижения стоимости активов АМТ Банка (ст. 165), неправомерное лишение АМТ Банка лицензии и прекращение его предпринимательской деятельности (ст. 169), неправомерные действия при банкротстве (ст. 195), а также за незаконное присвоение (необоснованные расходы Агентства) вложенных в банки личных денежных сбережений российских граждан.

Во избежание подобных и любых других распыляющих правомерные устои общества эксцессов и казусов в сфере правоприменения исполнителям закона необходимо толковать каждую конкретную норму закона в свете истинной теории и философии права, политико-правовой идеологии, в единой системе с сопряженными с ней нормами, а также устана-

вливать общую цель в контексте правоприменительных административных и судебных прецедентов. В крайнем случае администраторы и судьи могут обратиться к соответствующим принципам и нормам международного права и положениям международных договоров и соглашений. Например, в п. 2 ст. 10 Конституции Испании имеется напоминание о том, что для поддержания устойчивого социального правопорядка «входящие в Конституцию положения об основных правах и свободах должны толковаться в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека и международными договорами и соглашениями по этим вопросам, которые ратифицированы Испанией»¹. Таким образом, в некоторых случаях для правомерного толкования смысла и содержания применяемых юридических законов вполне уместно прибегать к общепризнанным положениям международного, в частности европейского, права и правосудия.

В процессе правомерного и целесообразного толкования и применения национальных законодательных положений необходимость обращения к смыслу и содержанию общепризнанных международно-правовых принципов может быть вызвана тем, что не всегда сами положения государственных конституций и законов могут быть правомерными. К примеру, по нашим предварительным подсчетам, в конституциях Армении и России имеется несколько десятков неправомерных положений или отсутствуют надлежащие положения, а также есть иные существенные недостатки, которые делают эти конституции недостаточно правомерными, целесообразными, совершенными и действующими в полной мере. Поэтому довольно часто эти конституции не могут служить надежным основанием для правомерного толкования и единообразного исполнения изданного на их основе закона или подзаконного акта.

Между тем нормальная конституция, начиная с преамбулы, должна стать одним из существенных оснований и ориентиров надлежащего понимания, толкования и единообразного применения положений национального законодательства. По справедливому замечанию некоторых известных российских ученых-правоведов, не только закон, но и неписаное, над-позитивное право должно стать мерилом правосудности решений². В этом аспекте судьи в случаях, когда закон молчит или явно противоречит системе действующих правовых норм либо нормам традиционной религии, нрав-

¹ См.: Конституции зарубежных стран. — М., 2003. С. 203.

² См.: *Осипян Б.А.* Трансформация права в закон: духовные, научные и практические аспекты // Государство и право. 2006. № 8. С. 43—50; *Пашин С.А.* Судебная реформа и суд присяжных. — М., 1995. С. 77.

ственности, обычаев или стабильного общежития, не только вправе, но и обязаны, по усмотрению законодателя, брать на себя почетное бремя ответственного целеполагания правовой действительности в своих конкретных судебных решениях. Например, как отмечает известный британский правовед Д. Ллойд, юридическому закону надо следовать, если только закон соответствует Божественному праву¹. В этих случаях законотолковательное и применительное буквоедство или формализм должны всегда быть пресечены идеей и неизменными принципами права, его непреходящими ценностями и благотворными целями. Словом, сугубо законнический, идолопоклоннический, слепой и рабский подход к толкованию и применению закона не должен возобладать над абсолютным достоинством каждого человека, а также над совестью беспристрастного, благоразумного, смелого и опытного судьи.

Правомерное толкование и единообразное применение юридических законов может быть также гарантировано учетом естественной иерархии некоторых основных и производных от них законов и подзаконных актов, а также устойчивой практики их судебного применения. Если мы не вмещаем в себя непреходящую идею-образ права и основанного на ней юридического закона, в частности, Основного Закона, их предназначения и благодатного употребления, то вряд ли сможем понять, правильно толковать и использовать какое-либо его положение. И в таком случае мы едва ли сумеем избежать многочисленных случаев вольного или невольного заблуждения при решении вопросов права и конституционности, а также пристрастных субъективных догадок и разнообразных выдумок.

В частности, во главу всякого надлежащего понимания, толкования и единообразного исполнения положений Конституции РФ (далее — КРФ) и прочих российских законов должно быть официально поставлено основное и ключевое юридическое понятие «правомерность» и производные от него понятия «конституционность» и «законность». Как представляется, при духовном, научном и практическом понимании правомерность, конституционность и законность являются как минимум тремя истинными столпами, на которых зиждется всякое надлежащее толкование и единообразное исполнение положений КРФ и соответствующего ей федерального и регионального законодательства Российской Федерации.

КРФ вольно или невольно содержит в себе определенную государственно-правовую идеологию, т. е. систему взглядов на мир, челове-

ское общество, личность человека и его достоинство, ответственность государства и национальную безопасность. Без таких мировоззренческих ориентиров, понятий и критериев судьбы Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ) не имели бы возможности должным образом оценить смысл и правомерность самих конституционных положений, а также конституционность нормативных актов, институтов и функций всей системы российского конституционного права и законодательства.

Официальное толкование и применение любого положения КРФ (или российского закона) не должны противоречить ценностям и целям, заложенным в ней ее авторами, особенно в преамбуле и главе 1 «Основы конституционного строя», а также жизненно важным правам и свободам личности. Тем не менее представляется, что наряду с вышеупомянутыми правилами надлежащего толкования КРФ в Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» должны быть внесены и другие правила, которые усвоены и разработаны общей или фундаментальной теорией права и которыми в равной мере обязаны пользоваться как законодатели, так и все правоприменители.

Для правомерного толкования КРФ необходимо также соблюдение принципа последовательности судебной конституционной рассматриваемости соподчиненных нормативных актов. Так поступил КС РФ, приняв определение от 04.12.1995 № 115-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации о толковании пункта «г» части 1 статьи 102 Конституции Российской Федерации по вопросу о возможности использования военной силы за пределами территории Российской Федерации». Дело в том, что, по мнению судей КС РФ, для удовлетворения данного запроса Суду нужно было бы предварительно проверить конституционность Федерального закона от 23.06.1995 № 93-ФЗ «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности». К сожалению, подобный вопрос перед КС РФ никто не ставил, и данная проблема до сих пор осталась теоретически и практически неразрешенной.

Было бы вполне правомерно и целесообразно восполнить очевидный пробел в Законе о КС РФ и дополнить его новой статьей — «Критерии правомерного толкования положений Конституции Российской Федерации», устана-

¹ См.: *Lloyd D. The Idea of Law.* — L., 1991. P. 55.

вливающей систему критериев толкования конституционных положений с указанием пределов правомерного и целесообразного толкования, правового значения и юридических последствий такого толкования. Статью следовало бы поместить в начале главы IV «Принципы конституционного судопроизводства». Представляется, что такие поправки станут важным ориентиром для всех российских судебных и правоохранительных органов в деле правомерного и конституционного понимания положений законов и их единообразного исполнения.

В связи с этим следует заметить, что разнородностью надлежащего толкования идеи права и буквы закона может стать также добросовестное административное или судебское усмотрение в праве (*discretionary power in law*). Надлежащее судебно-административное усмотрение в праве для единообразного исполнения позитивных законов представляет собой не предусмотренный нормами законодательства свободный и ответственный, т. е. правомерный выбор определенного субъекта права (например, должностного лица, гражданина или юридического лица) такого поведения (действия или бездействия), которое не запрещено и допускается непреходящей идеей права, не является противопоставлением важнейшим правовым ценностям и не противоречит системе долговременных целей, принципов, институтов и функций права. Такое усмотрение является актом правообразным и целесообразным, поддерживающим устойчивый правопорядок в обществе. Например, должностное лицо принимает правообразное и целесообразное для работы соответствующего государственного органа власти или управления решение, которое не предусмотрено законодательными положениями должностной инструкции, но которое изначально является правомерным или не противоречащим образу и фундаментальным принципам права. В данном случае это должностное лицо добросовестно и ответственно действует как бы вместо самого законодателя, который принял бы такое же правомерное и целесообразное решение, находясь в таких же конкретных условиях и обстоятельствах жизни.

Обычно правомерное и целесообразное усмотрение при решении юридических споров или вопросов происходит наряду с предварительным систематическим толкованием норм законодательства, которым не противоречит вынесенное по усмотрению решение. Например, в системе исламского правоприменения и судопроизводства (*шариат*) правомерное толкование юридического закона обычно осуществляется посредством выражения личного мнения наиболее известного и авторитетного богослова-законоведа (*рай*), либо согласованного мнения большинства авторитетных правоведов (*иджма*), либо решения по аналогии права или закона исходя из духа, разума, правового обычая (*адат*) или традиции (*кияс*), или, как выражались римские юристы, *res judicata*. Возможно также признание необходимости изменения норм закона (*хадисы Сунны*), если они противоречат общепризнанному понятию блага и справедливости (*истихсан*)¹.

Важно также отметить, что гарантиями правильного понимания и единообразного исполнения закона служат достаточно высокий авторитет самого законодателя, правотолкователя и правоприменителя, а также очевидная польза для исполнителя запрещающего, обязывающего или предписывающего закона². В России, к великому сожалению, нет ни того, ни другого. Если изданный верховной государственной властью закон фактически не устанавливает и не поддерживает социальный порядок, не воспитывает элементарные добродетели в людях, составляющих данное общество и государство, то такой закон фактически мертв и бессилён, какие бы временные обетования или угрозы он ни предусматривал. Жизнь показывает, что чем выше и яснее правосознание законодателей, четче правопонимание и правотолкование правоохранителей, судей и работников пенитенциарных учреждений, тем более благородными и человеколюбивыми способами они пользуются для единообразного исполнения и реализации непреходящей идеи права, правомерных и целесообразных предписаний законодательства, а также для полезной и успешной деятельности по предупреждению правонарушений и преступлений в обществе.

¹ См.: *Вайсс Бернард Дж.* Дух мусульманского права. — М.— СПб., 2008; *The Search of God's Law: Islamic Jurisprudence in the Writings of Sayf al-Din al-Amidi.* — L., 2007.

² См.: *Осилян Б.А.* Новый правовой завет депутатам парламентов мира, или конституционная система правовой ответственности законодателей // *Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы.* 2003. № 1. С. 14—18; № 4. С. 20—25; *Он же.* Высшая миссия законодательной власти // *Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы.* 2004. № 5. С. 5—9; *Он же.* Перспективы глобального развития права // *Современное право.* 2004. № 2. С. 44—48.